

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

УДК 325.111: 338.24, ББК 65.04

© Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В.

Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов*

**Владимир Валентинович
ОКРЕПИЛОВ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: info@iresras.ru
ORCID: 0000-0003-0830-2081; ResearcherID: B-6290-2015

**Сергей Валентинович
КУЗНЕЦОВ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3460-2574

**Николай Маратович
МЕЖЕВИЧ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: Mez13@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3513-2962; ResearcherID: T-3015-2019

**Марина Владимировна
СВИРИДЕНКО**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: Mv_svir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8660-139X

* В рамках исследования темы «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов» в Институте проблем региональной экономики РАН, №170-2014-0004 по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Для цитирования: Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В. Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

For citation: Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Sviridenko M.V. Urbanization processes in the context of spatial development patterns of municipalities in the zone of influence of megacities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

Аннотация. В современном мире процессы урбанизации стали мировыми и всеобъемлющими. Как справедливо отмечается в подготовленном и принятом Федеральном законе о региональной политике «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», развитие агломераций является важнейшим условием обеспечения конкурентоспособности экономики российских регионов, экономического роста и технологического прорыва. Можно констатировать, что значимая роль развития мегаполисов как драйверов роста национальной экономики официально закреплена на федеральном уровне управления социально-экономическим развитием территорий. Различные модификации организации экономического пространства глобальной экономики в последние годы актуализируют новые направления научных фундаментальных и прикладных научных исследований, предметом которых должны стать социально-экономические механизмы функционирования мегаполисов и образующихся на их основе городских агломераций, а также изучение их влияния на муниципальную, региональную, национальную и мировую экономику в условиях глобализации. Для достижения высокой степени эффективности применения в нашей стране опыта стран США, Западной и Восточной Европы необходимо интерпретировать результаты международной деятельности в определенном контексте с сохранением основных целевых параметров. Межнациональные процессы урбанизации в российском практикоприменении претерпевают значительные изменения и реализуются в несколько иной интерпретации западного опыта, – субурбанизации. Некоторые результаты анализа активности агломерационного движения в российской и мировой практике демонстрируют некоторое запаздывание нашей страны, что отражается в недостаточном количестве муниципальных образований сверхагломерационного типа – конурбаций и т.д. Изучение теории урбанизации и процессов пространственного и социально-экономического развития, протекающих на территории муниципальных образований, прилегающих к границам мегаполисов, должно стать важнейшей задачей дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: субурбанизация, агломерация, пространственное развитие, муниципальное образование, зарубежный опыт, мегаполис.

Введение. Теория урбанизации и ее практика имеют значимое территориальное преломление. В известной степени нет общеприменимой теории и, тем более, универсальной практики. Есть несколько базовых теоретических положений, прошедших проверку временем. Прежде всего, укажем на классическую, философскую позицию о том, что «мировой город и провинция – основные понятия всякой цивилизации... Вместо мира – город, отдельный пункт, в котором сосредоточивается вся жизнь обширных областей, тогда как все остальное засыхает» [1]. Тезис Шпенглера следует признать важным и весьма актуальным, тем не менее прогнозу уже сто лет, он реализуется, но в достаточно долгой исторической перспективе, в сложнейшей стадийности. Именно поэтому современная версия подобного прогноза выглядит менее категоричной: «глобализующийся мир – это мир городов и окружающих их территорий» [2]. С нашей точки зрения «окружающие их территории» – указание на потенциал

и проблемы субурбанизации. «В наше время в ходе индустриализации и урбанизации экономически развитых стран город перестал быть самой высшей и сложной формой организации совместной жизни людей и начал все явственнее и чаще входить в качестве составной части в более сложные общественно-географические образования – агломерации городов» [3]. Акцентируем внимание на том, что это было написано в СССР почти шестьдесят лет назад, но сохраняет свою эффективность и актуальность и в настоящее время.

Для достижения высокой степени эффективности применения в России опыта западных стран необходимо интерпретировать результаты международной деятельности в определенном контексте с сохранением основного целевого антуража. Это проблема, как отмечал выдающийся российский экономико-географ, специалист по географии США, и смысл его высказывания заключался в том, что известные специалистам межнациональные процессы ур-

банизации в российском практикоприменении претерпевают значительные изменения и реализуются в несколько иной интерпретации западного опыта (в качестве примера - субурбанизация).

У нас, в отличие от Запада, речь идет не о переселении в пригород, а о садовых участках и дачах, которыми обладает большинство жителей городов, то есть о втором доме, а не первом и единственном» [4]. Американский опыт субурбанизации действительно самый интересный, но для постсоветского пространства и самый неприменимый. Американские практики опережают постсоветские и в том числе прибалтийские, как минимум на один этап. Завершение этапа «классической» субурбанизации (утратившей свою актуальность в развитии американского практикоприменения) рассматривают как начало абсолютно нового периода в урбанизационных и субурбанизационных процессах в США [5]. На самом деле формирование метрополитенских ареалов – ключевая форма урбанизации/субурбанизации в США не закончилась, наступает новый этап, характеристики которого и, тем более, теоретическое осмысление которого еще не оформились. В этих условиях следует быть предельно осторожными в заимствовании западного опыта. Это мнение стало достаточно представленным в литературе: завлекательные стремления и эксперименты соотнести эволюционные процессы в пригородах российских регионов с пригородами в западных странах представляются, в настоящих экономических и политических условиях, несвоевременными [6].

Методика исследования территориального (пространственного) развития. Современные представления о территориальной организации общества, как правило, сводятся к рассмотрению ее как модели, позволяющей минимизировать экономические затраты при максимальном социальном эффекте. Закономерно, что проблематика систем расселения в этом случае приобретает особое значение. Особенно явно это проявляется в современных условиях, когда понятие «экономика» в большинстве случаев ассоциируется с городской экономикой или, в крайнем случае, с экономикой субурбанизированных зон.

Специфика теорий пространственного развития заключается в том, что они, как правило, ставят под сомнение справедливость известного утверждения – даже при перестановке слагаемых сумма изменению не подлежит. Вопрос этот нельзя считать академически новым, он получил исчерпывающее освещение в трудах московской и ленинградской (петербургской), новосибирской экономических школ [7].

Применительно к территориальному или пространственному развитию (в данной статье эти понятия используются как синонимы) перестановка экономических «слагаемых» по географическому пространству означает изменение их «суммы». Она может увеличиваться по сравнению с изначально заданными величинами или уменьшаться [8]. В первом случае следует говорить об эффекте или эффективности размещения, во втором случае – о неэффективности [9]. «В странах с полицентричной системой крупных городов выше и показатель ВВП на душу населения, в отличие от стран, где население сконцентрировано в нескольких мегагородах. Вероятно, это связано с тем, что с увеличением количества метрополий возрастает и площадь окружающих их территорий, которые выигрывают от близкого расположения к городской экономике» [10]. Об этом же писал известный специалист по американской и советской урбанизации Блэр Рубл: по его мнению город (как административная единица), в международном масштабе, оказывает решающее влияние в процессе воспроизводства национальных богатств, социального развития, мобилизации инвестиций, применения технических (технологических), кадровых ресурсов в рамках реализации целей в части роста производительности и уровня конкурентоспособности субъекта [11].

Стремление к эффективности неизбежно ведет к концентрации населения в крупных агломерационных зонах. По результатам исследования McKinsey Global Institute: «1,5 млрд. человек или 22% населения проживает в 600 городах и производит более 50% мирового ВВП или 30 трлн. долл. (2007 год), при этом 100 ведущих городов производит 21 трлн. ВВП или 38% мировой экономики... К 2025 году уже 2 млрд. человек или 25% населения будут производить

60% мирового ВВП или 64 трлн. долл.» [12]. Серьёзность этого процесса признана ООН и ее институтами. Так, специалистами, в ежегодном Докладе Всемирного банка о мировом развитии «Новый взгляд на экономическую географию» (2009 г.), выделяется ряд значимых факторов (влияющих на динамичное экономическое региональное развитие):

1) агломерационный эффект (активный рост густоты населения территориальных пунктов);

2) активность миграционных потоков потенциальных работников;

3) передислокация субъектов предпринимательства в рамках нивелирования территориального разрыва со сбытовыми рынками, что достигает максимальных значений на региональном и локальном уровнях (утрачивая, при этом, степень своего предпринимательско-производственного значения) [13].

Это влияет не только на понимание практики, но и на теорию вопроса. Так, известный специалист по урбанистике Блэр А. Рубл отмечает, что существует реальная потребность в пересмотре определения конституирующего города — растущие города снижают процент ландшафтной территории посредством распространения на многие сотни квадратных миль в различных направлениях. Кроме того, при прогнозируемом повышении уровня моря растёт и число горожан, живущих на побережье или вблизи него, — в том числе 2,5 всех городов-миллионников мира и пятнадцать из двух дюжин мегаполисов (с населением свыше 10 миллионов каждый) [11]. Безусловно, можно увидеть в агломерационных процессах и тяготение к «охвату» всего свободного пространства, как это делает профессор С.С. Артоболевский: «Можно долго спорить о том, связаны ли между собой однонаправленные миграции населения и хозяйства, но остаётся фактом, что усилилась тяга хозяйства сначала к субурбанизированным ареалам, а позднее и к внеагломерационным пространствам. Недаром возник даже термин «green-field location» [14]. Несколько позже данный вопрос получил развитие в трудах С.В. Кузнецова и Н.М. Межевича, указавших на то, что субурбанизация — это не столько трансформация «зеленого поля» в городское пространство, сколько развитие квази-города в нормальную субурбию европейского типа [15].

Такой подход предполагает долгую этапность, характерную для этих процессов в Западной Европе:

1. «Довоенный»: стимулирование роста — перегрузили.

2. «Послевоенный»: разгрузка — субурбанизация (новые и расширяющиеся города) — переразгрузили.

3. «Текущий» — стимулирование роста внутренних ареалов, джентрификация [16].

Рассмотрим несколько подробнее эти процессы. Во второй половине XX века во Франции внимательно изучали советский опыт регулирования развития сверхкрупных городов, конечно же, в контексте регулирования роста Парижа. После второй мировой войны во Франции была сформирована система мер региональной, в т.ч. экистической, политики, предусматривающая дополнительное налогообложение предприятий, создающихся в Париже или выводимых в Париж. Равным образом налоговые ставки относительно уменьшались в Руане, Лионе, Бресте, Гренобле, Марселе, Тулузе. Лишь с середины 80-х гг. с ослаблением конкурентоспособности Парижа ограничительные меры были смягчены, но при этом было сохранено государственное финансирование расходов на перемещение предприятий из Парижа.

Еще несколько слов о мировом опыте. Прежде всего, посмотрим на американскую практику. Она не предполагает резкое деление на высокоэффективный центр и периферию. В США принята иная в сравнении с российской группировка городов и городских поселений. Здесь условно небольшая территория (населенный пункт городского типа) обеспечивает проживание порядка 2,5 тыс. человек. Кроме общепринятых классификационных категорий «город», «населенный пункт городского типа», в Соединенных Штатах Америки включены такие категории, как городские или метрополитенские пространства. Главное для нас в том, что «две трети американских агломераций-миллионеров лежат не в одном, а в двух, а то и трех штатах. По нашим понятиям, такое несовпадение административного деления и общественного районирования должно сильно затруднять жизнь в этой стране, тем более что штаты сильно отличаются друг от друга по законодательству, по деловому климату и т.п.» [17]. Эта проблематика рассматривается и Стейном Рок-

каном, для этого он вводит категории «центр» и «периферия». «Центр» характеризуется им как обладающая преимущественными правами во всех секторах жизнедеятельности территориальная окрестность в рамках государства. Исключительные права, бонусы и преференции в данной местности обусловлены как уровнем инвестиционной привлекательности, так и степенью влияния факторов организационно-культурного характера.

Специфика провинции (периферия) отражается в ряде экономических параметров (реализации субъектной деятельности) в контексте социально-статусного выстраивания расположения: центральная часть – провинция [18]. Здесь расположение центральная часть – провинция рассматривается в корреляции позиций ресурсных составляющих со степенью их территориального дистанцирования (но не от пространственно-географического соотношения).

При этом социально-статусная близость к центральной части территорий предоставляет возможность получения ресурсов, что предполагает высокую степень достижения целей деятельности (социально-экономического развития). Что имеет обратный эффект в части периферийного расположения субъектов предпринимательства (ресурсное ограничение, замкнутая жизненная позиция).

Эту позицию разделяет и Стейн Роккан, по мнению которого, периферия, находясь в подчиненном положении, контролируя (не всегда) лишь собственные ресурсы, ощущает силу факторного влияния как на ближних, так и на дальних рынках, а также разобщена с другими регионами (кроме доминирующего) [19].

Необходимо подчеркнуть, что «центры» располагаются и в национально-территориальных границах, и за их пределами. Данная концепция, обусловленная непростым механизмом соглашений среди политических субъектов центра и провинции, выстраивалась со временем (годами, столетиями) в рамках оптимальных условий [20].

Таким образом, можно констатировать, что если в основе содержания теоретических концепций развития городов, как правило, лежит доминирующая парадигма экономического мышления, то практика (и, соответственно, инструменты) управления городами в значительной степени зависит от уровня социально-

экономического развития конкретной страны, системы управления, а также подвижности населения.

В связи с этим, на наш взгляд, в России было бы целесообразно уделять серьезное внимание изучению практического опыта в этой сфере в более «продвинутых» с экономической точки зрения странах с целью систематизации и адаптации его для выработки будущей политики в области управления развитием городов и агломераций.

По мнению профессора С.С. Артоболевского, вопросы практикоприменения Западом управления колоссами агломераций расположены в дискуссионном секторе, однако необходимо владеть информацией о различных мнениях в данной области исследований [21]. Результаты исследований международного опыта развитых стран демонстрируют следующее: формирование совместной деятельности в среде административных единиц (где территориально реализуется агломерация) представляет собой ключевой инструмент управления агломерациями.

При этом очерченный вектор административных единиц, в международной практике, обуславливает создание конкурентоспособного положения: повышение цен на недвижимость (в пределах территориальной принадлежности), которая представляет собой базовый элемент формирования их бюджета. Тогда как в России финансирование административных единиц происходит из бюджета региона.

Отметим, что рассредоточение функций государственной деятельности, вследствие мирового процесса, детерминирует возрастание объемов административных единиц. Возрастание численности населения в небольших городах осложняет муниципалитетам выполнение задач в части планирования и менеджмента. Что требует инициировать реализацию новых подходов к формированию алгоритмов по реализации планирования и управления, если принимать во внимание факторное влияние (в частности, прирост населения) [22].

Мировой и отечественный опыт пространственного развития и результаты анализа развития агломераций

Общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в

крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации.

В настоящее время активно идут процессы реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, предполагающей формирование «пространственного каркаса» территории страны с целью развития перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации, ускорением темпов экономического роста и технологического развития агломераций.

Результаты анализа активности агломерационного движения как в российской, так и в практике международного опыта демонстрируют запаздывание России, что отражается в малом количественном составе форм и альтернатив расселения населения по типу «городская агломерация», недостаточное количество муниципальных средоточий сверхагломерационного типа — конурбаций и т.д. Тем не менее «если раньше население столичных агломераций концентрировалось в Москве и Ленинграде, то, начиная с 90-х годов, оно впервые стало перераспределяться в пользу их областей» [23]. В начале второго десятилетия текущего века данные процессы получили отражение в работах сотрудников Института проблем региональной экономики РАН и Санкт-Петербургского государственного университета [24, 25, 26].

Созданная в советские годы и действующая в настоящее время так называемая моноцентричная модель развития агломераций с концентрацией рабочих мест в ядре мегаполиса имеет ряд объективных недостатков. К наиболее очевидным из них можно отнести значительную загруженность транспортного комплекса (в первую очередь улично-дорожной сети) направленными в одностороннем режиме центр-периферийными потоками, а также снижение инвестиционной привлекательности мегаполиса вследствие высокой стоимости объектов жилого фонда в границах центра агломерации. Современный российский и зарубежный опыт имеет достаточно много примеров расположения в удаленных точках роста агломераций ряда центральных функций, включая научную, культурно-образовательную, исследовательскую и инновационную, администра-

тивно-деловую, торгово-развлекательную, что создает необходимые предпосылки для развития на периферии мегаполиса привлекательных ареалов.

Например, на наш взгляд, для крупных агломераций, таких как Московская и Санкт-Петербургская, наиболее актуально размещение двух функциональных видов деятельности с целью развития территорий Московской и Ленинградской областей, прилегающих к границам мегаполисов:

- размещение образовательной, научно-исследовательской и инновационной функций;
- размещение деловой и торгово-развлекательной функций.

Размещению образовательной, научно-исследовательской и инновационной функций было положено начало еще в 1899 году, когда на северо-востоке Санкт-Петербурга начинает формироваться комплекс Политехнического института. В 1950-е годы на Воробьевых горах, являющихся в то время юго-западной окраиной Москвы, строится научно-образовательный комплекс Московского государственного университета. В этот же рассматриваемый период времени в крупных региональных центрах страны (Новосибирск, Иркутск, Красноярск и др.) на окраине развиваются крупные комплексы научно-исследовательских институтов, вокруг которых формируются академгородки. Вблизи Москвы постепенно формируется кольцо наукоградов и центров высокотехнологичных производств (Дубна, Королев, Зеленоград, Троицк, Фрязино, Черноголовка, Протвино и пр.). Классическими примерами развития научно-образовательной функции в 1950–1970-е годы на территории Ленинградской агломерации являются формирование учебно-научного комплекса Ленинградского государственного университета в Петродворце и размещение Института ядерной физики в Гатчине.

В постсоветский период сохранился вектор в размещении образовательных, научных и инновационных объектов в периферийных частях агломерации, который можно проиллюстрировать известными примерами развития инновационного центра Сколково под Москвой, города-спутника Иннополис под Казанью; на территории Санкт-Петербургской агломерации — по развитию нанопарка в Гатчине, проекта размещения кампуса Высшей школы менед-

жмента в Петродворце, потенциальных планов по переезду части кампуса Университета ИТМО в город-спутник Южный.

Мировой передовой опыт демонстрирует большое количество примеров значительных и развитых инновационных, технико-внедренческих кластеров и деловых центров в высокотехнологичных секторах экономики в периферийных зонах агломераций. К наиболее известным примерам можно отнести:

- Кремниевая долина в Калифорнии (Соединенные Штаты Америки), сформировавшаяся вокруг Стэнфордского университета в городе Паоло-Альто на периферии агломерации Сан-Хосе;

- Наугоград Цукуба (Япония), получивший развитие вокруг целого ряда университетов и научно-образовательных центров на периферии агломерации Токио;

- многофункциональный район Лаошань на восточной окраине Циндао (Китай) с крупными образовательными, научными центрами и исследовательскими организациями, выставочными комплексами, промышленной зоной по освоению высокотехнологичных отраслей экономики;

- деловой район One Noth, сформировавшийся вокруг одноименной станции метро на юго-западной окраине Сингапура, где действуют национальный и политехнический университеты, несколько высокотехнологичных кластеров (biopolis, fusionopolis, mediapolis и др.);

- многофункциональный район Адлерсхоф на юго-восточной окраине Берлина (Германия), который развивается в качестве кампуса университета Гумбольдта и связанные с ним научные учреждения, деловой район, медиакластер, современный жилой район, производственная зона высокотехнологичных компаний.

Советский опыт формирования и комплексного развития научно-исследовательских видов деятельности на территории агломерации (например, Новосибирский академгородок) относился к безусловно важным административным и прорывным с точки зрения пространственного развития решениям и послужил базой для похожих решений во многих странах мира. При этом отечественные центры науки формировались изначально на основании принципа замкнутой экосистемы,

а их зарубежные аналоги, интегрирующиеся в транспортную систему агломерации, были рассчитаны на кадровые ресурсы всего мегаполиса. Можно сделать вывод, что именно транспортная доступность в сочетании со значительными государственными инвестициями сыграла ключевую роль в формировании многофункциональных кластеров на базе действующих научных центров.

Создание новых рабочих мест и развитие периферийной части агломерации возможно также на базе формирования и развития деловой и торгово-развлекательной функций.

Российский опыт формирования и комплексного размещения многофункциональных общественно-деловых пространств на периферии агломерации широко представлен крупными торгово-развлекательными комплексами вблизи автомобильных кольцевых дорог таких крупнейших мегаполисов, как Москва и Санкт-Петербург (например, комплексы «Мега» на территориях Московской и Ленинградской областей, прилегающие к границам Москвы и Санкт-Петербурга соответственно). В границах периферийной зоны Санкт-Петербургской агломерации размещены крупные многофункциональные проекты (деловые районы «Лахта-Центр», «Аэрополис-Пулков», «Экспофорум») с развитием конгрессно-выставочных и деловых центров, офисных помещений. В современных условиях основным сдерживающим фактором полномасштабной реализации данных проектов является слабый уровень обеспеченности транспортной инфраструктурой. Московский опыт комплексного размещения в зоне агломерации общественно-деловых пространств позволяет выделить такие примеры, как:

1. Многофункциональное общественно-деловое пространство, расположенное у съезда с МКАД рядом со станцией метро Мякинино (город Красногорск, Московская область). Здесь располагаются крупнейшие торгово-развлекательные комплексы (Вегас, Крокус-Сити молл и др.), выставочный комплекс Крокус Экспо, концертный зал Крокус-Сити холл, комплекс зданий Правительства Московской области.

2. Деловой район вблизи развязки МКАД и Киевского шоссе. Здесь сформированы бизнес-парки Румянцево и Comcity.

3. Многофункциональный общественно-деловой район Путилково вблизи развязки МКАД и Новокуркинского шоссе. В рамках данного района развивается крупный деловой район Гринвуд и комплекс торгово-развлекательных центров.

Зарубежный опыт пространственного развития агломераций демонстрирует многочисленные примеры комплексного развития крупных общественно-деловых подцентров на периферии мегаполиса, имеющих превосходную транспортную доступность со стороны центрального делового района. К успешным примерам размещения общественных и деловых пространств, располагающихся в периферийной зоне агломераций и имеющих хорошую транспортную доступность, могут быть отнесены:

– деловой район Уэстчейз на западной окраине Хьюстона (США), где разместились многочисленные бизнес-центры;

– торговый город Монтигала на северо-восточной окраине Барселоны (Испания) на въезде в город со стороны транспортной магистрали В20.

– многофункциональный район Хааберсти на западной окраине Таллинна (Эстония), где разместились крупнейшие торговые центры, ряд спортивных комплексов, бизнес-центры, гостиницы.

Также к успешным примерам развитых общественно-деловых пространств, дислоцирующихся в периферийной зоне агломераций и ориентированных на доступность на основании скоростного рельсового транспорта, могут быть отнесены:

– многофункциональный район Зличин-Стодулки на западной окраине Праги (Чехия), где на базе двух станций метро развивается крупнейший общественно-деловой район с многочисленными торговыми центрами, офисными парками;

– многофункциональный район Итаке-скус на восточной окраине Хельсинки (Финляндия) вокруг одноименной станции метро, где расположились многочисленные торговые комплексы;

– многофункциональный район Дорнах на восточной окраине Мюнхена (Германия), где вблизи остановки S-Bahn Мюнхен-Рим разместились офисы многочисленных высокотехнологичных компаний;

– многофункциональный район Матам, сформировавшийся в южной части агломерации Хайфы (Израиль) вблизи транспортно-пересадочного узла Хоф-Акармель, где получили развитие офисы и производственные площадки высокотехнологичных компаний, крупные торгово-развлекательные центры, спортивный комплекс.

Развитие деловой и торгово-развлекательной функций в периферийных районах городских агломераций является распространенной практикой, причем не только в США и Западной Европе, но и в странах Восточной Европы. В отличие от размещения крупных государственных научных центров, данный тип развития территории ориентирован прежде всего на привлечение частных инвесторов и является следствием перераспределения потоков в структуре мегаполиса.

Заключение. Подводя итоги, можно констатировать, что российские процессы субурбанизации имеют тот же генезис, что и аналогичные процессы за рубежом. Однако стадийность в первом и во втором случае различна. С нашей точки зрения процессы урбанизации в России отстают на один, возможно, на два этапа от американских. Россия втягивается в процессы субурбанизации, а в Соединенных Штатах Америки субурбанизация достигла своего предельного развития и трансформируется, в том числе, в явление «возврат в обновленный город». Возможен и целесообразен учет версии и практик процессов субурбанизации в Центральной Европе. Здесь субурбанизация в ряде случаев прошла гораздо дальше, чем в России. Более того, социально-экономические условия, практики трансформации и модернизации здесь близки к российским. Соответственно и верификация результатов субурбанизации в ЦВЕ применительно к России возможна. Пригородные пространства, имеющие традиционное дробное муниципальное деление, не соответствуют стандартам управления урбанизированными территориями. Именно поэтому государства поощряют преобразование муниципальных образований путем их объединения [27, 28]. Это происходит через предоставление дополнительных субсидий, т.е. стимулируется экономически, также возможен и иной вариант – реформа административным путем, через принуждение.

Таким образом, в рассматриваемой перспективе актуализируются новые направления фундаментальных и прикладных научных исследований, предметом которых должны быть социально-экономические механизмы функционирования агломераций и изучение их влияния на развитие муниципальных образований, находящихся в их ареале, а также на региональную, национальную и мировую экономики в условиях глобализации.

Важнейшей задачей дальнейших научных изысканий является изучение теории урбанизации и процессов пространственного и соци-

ально-экономического развития, протекающих на территории муниципальных образований, прилегающих к границам мегаполисов, развивающих положения и выводы данного исследования.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов с точки зрения совершенствования систем управления агломерационными процессами в социально-экономическом пространстве Российской Федерации, а также муниципальными образованиями, так или иначе входящими в зону влияния крупных мегаполисов.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 43.
2. Ковальский Н.А. О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. М., 2001. С. 108.
3. Дубровин П.И. Агломерации городов // Вопросы географии. География городов и сельских поселений. Сб. 45. М., 1959. С. 56.
4. Смирнягин Л.В. Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 56–71.
5. Gallagher L. *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*. New York, 2014; De Jong J.K. *New SubUrbanisms*. London: Routledge, 2013.
6. Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. 2016. № 1. С. 89.
7. Кузнецов С.В. Межевич Н.М. Исследования экономического пространства России в трудах А.Г. Гранберга // Современные проблемы пространственного развития. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга / СОПС, ИЭОПП СО РАН. М., 2012.
8. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Lachininskii S.S. The spatial recourses and limitations of the Russian economy modernization: the example of the North-West macro region. *Journal "Economy of Region"*, 2015, no.3.
9. Кузнецов С.В. Межевич Н.М. Экономическое пространство России: теория и практика. СПб., 2012.
10. Урбанизация и ее последствия: век мегаполисов / Институт социологии РАН // Наука за рубежом. 2015. № 41. С. 12.
11. Рубл А. Блэр. Мировой опыт в эпоху городских агломераций: уроки для управления Москвой // Логос. 2013. № 4. С. 269.
12. *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*. Richard Dobbs and & - McKinsey Global Institute. McKinsey & Company. March 2011. P. 62.
13. Новый взгляд на экономическую географию: доклад о мировом развитии. М.: Весь Мир, 2009. 384 с.
14. Артоболевский С.С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3 (18). С. 8.
15. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Проблемы прогнозирования пространственного развития на примере Стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; отв. ред. В.И. Герасимов. 2018. С. 987–989.
16. Артоболевский С.С. Регулирование городских агломераций (аналитический материал) // Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира». 2011. // [http.: www.archipelag.ru/](http://www.archipelag.ru/)
17. Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. Серия «Научные доклады». № 63. М.: Московский общественный научный фонд, 1998. С. 15.
18. Портер М. Конкуренция. М., 2001. С. 245.

19. Rokkan S., Urwin D.W. Introduction: centres and peripheries in Western Europe. In: Rokkan S., Urwin D.W. (Eds.). *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*. London, Beverly Hills, New Delhi, 1982. P. 5.
20. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Геоэкономические ограничители в обновленной стратегии Северо-Западного макрорегиона России // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2015. № 15 (20). С. 97–100.
21. Артоболевский С.С. Крупнейшие агломерации и региональная политика: от ограничения роста к стимулированию развития (европейский опыт) // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Прометей, 2013. 280 с. С. 261–271.
22. Народонаселение мира – 2007. Программа Хабитат. С. 2.
23. Пчелинцев О.С. Переход от урбанизации к субурбанизации // <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit04.php>
24. Межевич Н.М., Лачининский С.С., Береснев А.Е. Эффекты местоположения и экономическое развитие Санкт-Петербургского крупногогородского ареала // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2 (26). С. 9–20.
25. Межевич Н.М. Пространственное развитие Санкт-Петербургской агломерации: некоторые исторические параллели современных экономических практик // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2015. № 15 (20). С. 82–86.
26. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Вопросы теории территориально-политической и хозяйственной организации пространства // Экономика и управление. 2015. № 9 (119). С. 8–13.
27. Свириденко М.В. Управление социально-экономическим развитием сельских поселений в контексте изменения статуса муниципального образования и исполняемых полномочий // Модернизация российской экономики. Прогнозы и реальность: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 535–544.
28. Свириденко М.В. Бюджетно-финансовое обоснование изменения статуса муниципального образования в контексте активизации его социально-экономического развития // Региональная экономика и развитие территорий / под ред. Л.П. Совершаевой. СПб.: ГУАП, 2017. №1 (11). С. 217–222.

Сведения об авторах

Окрепилов Владимир Валентинович – академик РАН, д.э.н., профессор, научный руководитель, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: info@iresras.ru)

Сергей Валентинович Кузнецов – д.э.н., профессор, директор, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru)

Николай Маратович Межевич – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, профессор, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: Mez13@mail.ru)

Марина Владимировна Свириденко – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: Mv_svir@mail.ru)

Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Sviridenko M.V.

Urbanization Processes in the Context of Spatial Development Patterns of Municipalities in the Zone of Influence of Megacities

Abstract. In the modern world, urbanization processes have become global and comprehensive. The federal law on regional policy “Fundamentals of the state policy of regional development in the Russian Federation for the period up to 2025” points out that the development of agglomerations is the most important condition for ensuring the competitiveness of the economy of the Russian regions and for providing economic growth and technological breakthrough. It can be stated that the significant role of the development of megacities as drivers of national economic growth is officially declared at the federal level of management of socio-economic development of territories. Due to the presence of various modifications of the organization of the economic space of the global economy in recent years, it becomes relevant to find new directions of scientific fundamental and applied research, the subject of which should be the socio-economic mechanisms of functioning of megacities and urban agglomerations formed on their basis, as well as the study of their impact on the municipal, regional, national and world economy in the context of globalization. In order to achieve a high degree of effectiveness in applying the experience of the United States, Western and Eastern Europe in our country, it is necessary to interpret the results of international activities in a certain context while maintaining the main target parameters. International processes of urbanization in the Russian practice are undergoing significant changes and are implemented in the form of suburbanization, a slightly different interpretation of the Western experience. Some of the results of the analysis of the activity of agglomeration movement in the Russian and international practice show that our country is lagging behind other countries, which is reflected in the presence of an insufficient number of municipalities that are larger and more populous than agglomerations: conurbations and others. We see the most important task of further research in studying the theory of urbanization and the processes of spatial and socio-economic development occurring in the territory of municipalities adjacent to the boundaries of megacities.

Key words: suburbanization, agglomeration, spatial development, municipality, foreign experience, megacity.

Information about the Authors

Vladimir V. Okrepilov – RAS Academician, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Scientific Director, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: info@iresras.ru)

Sergei V. Kuznetsov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru)

Nikolai M. Mezhevich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, professor, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: Mez13@mail.ru)

Marina V. Sviridenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: Mv_svir@mail.ru)

Статья поступила 04.07.2019.